

ДЕЛО САЛАНГРО

4 июня 1936 г. впервые в истории Франции социалисты сформировали и возглавили правительство, состоявшее из представителей партий Народного фронта¹, который одержал крупную победу на парламентских выборах 26 апреля — 3 мая того же года. Опираясь на поддержку масс, выступавших против международного и внутреннего фашизма, правительство Народного фронта осуществило несколько важных реформ, значительно улучшивших положение рабочего класса и других слоев трудового населения². Среди правительственных постановлений, принятых в первые же дни деятельности нового кабинета, особое место заняли декреты о роспуске фашистских

¹ Коммунисты не вошли в кабинет Л. Блюма. Однако они не только поддерживали правительство, но и активно участвовали в разработке социально-политического законодательства Народного фронта (см. J. Duclos. Mémoires. T. 2. 1935—1939. P. 1969, pp. 163—165).

² Подробнее см.: Ю. В. Егоров. Народный фронт во Франции. Л. 1972, стр. 157—172.

лиг «Боевые кресты», «Патриотическая молодежь», «Французская солидарность» и «Франсиссты»³. Эти четыре декрета были разработаны министром внутренних дел Р. Салангро и по его инициативе опубликованы. Основанием для роспуска фашистских организаций, как указывалось в декретах, тексты которых были идентичны, послужил полувоенный характер лиг и создание ими боевых вооруженных групп и отрядов.

Однако декреты от 18 июня 1936 г. вызвали лишь определенную перегруппировку внутри фашистского движения, а также его модификацию, но не привели к его ликвидации⁴. Более того, фашистское движение в целом не только не ослабло, но, напро-

³ «Journal officiel. Lois et décrets», 19.VI. 1936, p. 6427. «Аксьон франсэз» была запрещена еще ранее, в феврале 1936 г., в связи с нападением «королевских молодчиков» на Блюма.

⁴ О реакции фашистов на роспуск лиг см.: «Journal officiel. Débats parlementaires. Chambre des députés», 30.VI.1936; «Le Flambeau», 20.VI.1936.

тив, даже усилилось, главным образом за счет «Боевых крестов», которые смогли избежать роспуска благодаря изменению организационной структуры и переименованию во «Французскую социальную партию» (ФСП)⁵. Ее программные установки, как показал съезд в декабре 1936 г., не претерпели значительных изменений: лидер организации полковник де ла Рокка по-прежнему категорически отрицал ее фашистский характер, подчеркивая «прочную верность республиканским свободам», и, пользуясь стандартным набором фраз, отвергал «фашистскую диктатуру, гитлеровский абсолютизм и... советский марксизм»⁶. ФСП, как и «Боевые кресты», настаивала на расширении полномочий президента, расторжении франко-советского договора, укреплении союза с Англией, Италией, Малой Антантой и Польшей и «осуществлении искреннего сближения с Германией»⁷.

Отсутствие явных фашистских лозунгов в пропагандистской деятельности и умение учитывать традиции французской политической жизни обусловили некоторое увеличение влияния ФСП; весной 1937 г. в ее рядах насчитывалось свыше 2 млн. членов⁸. Даже если признать эту цифру завышенной, то все равно остается несомненным рост организации де ла Рокка. ФСП не только вобрала в себя многих членов либо уже распавшихся, либо находившихся в состоянии разложения фашистских организаций, но и привлекла немало адептов из среды правых и даже умеренных буржуазных кругов, которым импонировала «благопристойность» и «дисциплинированность» сторонников де ла Рокка. Правда, его стремление оставаться в рамках «традиционной» буржуазной системы привело к уходу из ФСП экстремистских элементов, которые по примеру итальянских фашистов требовали более радикальных перемен в социально-политической структуре III республики⁹. Для них

полюсом притяжения стала новая крупная фашистская организация, возникшая одновременно с ФСП, — «Французская народная партия» (ФНП) Ж. Дорио.

К моменту образования ФНП эволюция Дорио к фашизму полностью завершилась. Коммунисты справедливо называли его ренегатом и гитлеровцем. Принадлежность Дорио к фашизму подтверждали даже такие блюстители «чистоты» фашистской теории, как франсисы: их газета писала об одной из речей Дорио, что она «могла бы быть произнесена нашим вождем Марселем Бюкармом»¹⁰. В самом деле, официальные концепции ФНП — смесь «антикапиталистической» фразеологии с националистической демагогией, ненависть к демократическим формам правления, неистовый расизм — были заимствованы Дорио у идеологов «классического» фашизма. Однако главный упор в повседневной деятельности Дорио и его сторонники, учитывая французские демократические традиции, делали на популярном лозунге защиты мира: «во имя сохранения мира» осуждалась какая бы то ни было помощь республиканской Испании, велась яростная антикоммунистическая и антисоветская агитация, настойчиво пропагандировалась идея сближения Франции с Германией и Италией. Демагогия и значительные средства, предоставленные в распоряжение Дорио реакционными кругами, позволили ему на первых порах добиться определенных успехов. К моменту учредительного съезда, который состоялся в ноябре 1936 г., ФНП насчитывала, по данным ее главарей, 100 тыс., а к началу марта 1937 г. — 130 тыс. членов¹¹.

Активизации фашистского движения способствовал мятеж Франко. Мятеж фашистов в Испании был встречен французскими правыми с откровенной радостью, а их яростная кампания против Народного фронта и его вождей еще более усилилась. В буржуазных кварталах фашисты проводили враждебные Народному фронту демонстрации и приступили к организации тайных отрядов так называемой «вспомогательной полиции», предназначенной для «охраны порядка». Правительственные ме-

⁵ Газета де ла Рокка «Le Flambeau», имевшая подзаголовок «Орган движения «Боевых крестов», с. 13.VI.1936 г. стала «Органом французского примирения».

⁶ «Le Flambeau», 11.VII; 26.XII.1936.

⁷ Среди сторонников де ла Рокка были и такие лица, как А. де Кериллис, которые при всей их ненависти к СССР не забывали об угрозе со стороны гитлеровской Германии (Ch. Micaud. The French Right and Nazi German, 1933—1939. N. Y. 1943, p. 131).

⁸ «Le Populaire», 21.XII.1936; «Les Temps», 16.IV.1938.

⁹ R. Girardet. Notes sur l'esprit d'un fascisme français, 1934—1939. «Revue fran-

çaise de science politique», vol. 5. 1955, № 3, pp. 529—546; Ph. Machefer. L'Union des Droites, le P.S.F. et le Front de la Liberté, 1936—1937. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», t. 17, 1970, janvier—mars, pp. 112—126.

¹⁰ «Le Franciste», 5.VII.1936.

¹¹ J. Plumyène, R. Lasieira. Les fascistes français. P. 1963, pp. 121—131.

ры против деятельности лиг не отличались ни твердостью, ни последовательностью. Власть ограничили лишь арестом нескольких активистов «вспомогательной полиции»¹². Компартия настойчиво разоблачала деятельность фашистских партий и организаций. Отмечая слабость и нерешительность действий властей против фашистов, коммунисты требовали, чтобы правительство приступило к разоружению и подлинному роспуску лиг¹³. При этом компартия неоднократно подчеркивала, что нерезультативность правительственных мер против фашистов в значительной степени объяснялась тем, что в административном аппарате, полиции и армии было много открытых врагов Народного фронта.

Действительно, правительство ограничилось лишь несколькими административными перемещениями¹⁴: в июне 1936 г. был назначен новым главой Французского банка Э. Лабейри и смещен со своего поста шеф парижской полиции П. Гишар, выступивший с рядом провокационных заявлений в адрес участников всеобщей забастовки; в ноябре 1936 г. были уволены в отставку администратор агентства «Гавас» Гимье, занимавший одновременно пост директора реакционной газеты «Journal», и заместитель комиссара Всемирной выставки 1937 г. Латур, который публично заявил о своих симпатиях к Ш. Моррасу, оказавшемуся в тюрьме по обвинению в открытом подстрекательстве к убийствам и мятежу. Разумеется, эти меры были абсолютно недостаточны¹⁵. Сохранение в административном и в полицейском аппарате реакционных чиновников тормозило претворение в жизнь прогрессивного законодательства нового правительства и стимулировало деятельность врагов Народного фронта. О том, насколько правы были коммунисты, предупреждавшие правительство об опасности попусти-

тельства по отношению к реакционным и фашистским организациям, свидетельствовал трагический исход дела министра внутренних дел Салангро, чья подпись стояла под декретами о роспуске фашистских лиг.

Среди членов правительства Салангро вызывал, пожалуй, наибольшую ненависть у правых, поскольку именно он считался автором «проклятых декретов» от 18 июня 1936 года¹⁶. Кампанию против него начала 14 июля 1936 г. газета «L'Action française», заявившая, что министр внутренних дел не может участвовать в церемонии у могилы Неизвестного солдата, так как он в 1915 г. дезертировал из французской армии и перешел на сторону врага. Это обвинение подхватили другие реакционные издания. Особенно неистовствовал профашистский еженедельник «Gringoire», обвинивший Салангро не только в дезертирстве, но и в прямой измене¹⁷, а именно — в передаче военных тайн германскому командованию, за что французский военный трибунал якобы заочно приговорил его к смертной казни (этот приговор, как утверждал «Gringoire», был отменен после окончания войны благодаря вмешательству высоких покровителей Салангро). Поступки Салангро явились, по словам «Gringoire», логическим следствием взглядов этого «опасного революционера», включенного французской контрразведкой накануне 1914 г. в знаменитый «список В» (список лиц, которые подлежали немедленному аресту в случае начала военных действий). Редакция еженедельника утверждала, что может представить свидетельские показания офицеров и солдат, служивших с Салангро, в доказательство его виновности¹⁸.

Сначала Салангро игнорировал нападки¹⁹, но затем, когда клеветническая кам-

¹² M. Chavardès. Eté 1936. P. 1966, pp. 196—197; J. Chamboaz. Le Front populaire pour le pain, la liberté et la paix. P. 1961, p. 169.

¹³ «L'Humanité», 1, 8, 9.X.1936; L. Samprix. Le complot fasciste en France. «Cahiers du bolchevisme», 1936, № 18—19, pp. 1212—1223.

¹⁴ Правда, правительство восстановило на работе многих низших служащих, которые до 1936 г. были уволены за прогрессивные убеждения.

¹⁵ О необходимости демократизации армии и государственного аппарата говорили не только коммунисты, но также некоторые социалисты и радикалы («La Lumière», 13, 20.II.1937).

¹⁶ В министре внутренних дел по традиции видели «самую сильную фигуру» правительства. Реакционный еженедельник «Revue de Paris» утверждал 15 июля 1936 г., что именно Салангро является «подлинным главой кабинета, а Леон Блюм — это только символ».

¹⁷ Тему «измены Салангро» подхватил также реакционный еженедельник «Снос», который 27 августа 1936 г. утверждал, что Салангро выдавал в плену немцам своих товарищей, намеревавшихся совершить побег; поэтому-то условия, в которых он содержался, были, дескать, лучше, чем у пленных.

¹⁸ «Gringoire», 21—28.VIII; 4—11.IX.1936.

¹⁹ Ch. Pivert. Le Parti socialiste et ses hommes. Souvenirs d'un militant. P. 1950, pp. 54—55.

пания достигла апогея, вынужден был защищаться. Не ограничившись опровержениями, Салангро попросил премьер-министра Л. Блюма создать специальную комиссию из беспристрастных лиц, которые познакомились бы с документами и материалами по его делу. Такая комиссия в составе генерального секретаря Национальной конфедерации бывших фронтовиков де Барраля и президента Федерального союза бывших фронтовиков Пишо была создана. Она изучила досье Салангро и установила абсолютную бездоказательность обвинений со стороны фашистской печати. Выяснилось, что Салангро, вступивший в социалистическую партию в 1909 г., находился под сильным влиянием Ж. Жореса и действительно участвовал в антимилитаристских кампаниях, за что и был занесен в «список В». Но после начала войны, как и большинство его партии, он перешел на позиции социализма и «защиты отечества». В качестве солдата 633-го пехотного полка он сражался в Артуа и Шампани. 15 октября 1915 г. в районе Сюип после кровопролитного сражения Салангро, с разрешения своего командира, пытался разыскать на «ничьей полосе» тело убитого товарища, чтобы отослать его личные бумаги родным, и был взят противником в плен. Было также установлено, что военный трибунал, заочно рассматривавший в январе 1916 г. дело Салангро, сразу же оправдал его, хотя в большинстве случаев по делам попавших в плен выносились обвинительные приговоры с тем, чтобы потом их пересмотреть, если возникнет необходимость, по возвращении обвиняемых из плена. Нашлись свидетели, рассказавшие о смелом поведении Салангро в плену и его отказе работать на немцев, за что он был приговорен германским судом к двум годам тюрьмы. Пребывание затем в каторжном лагере у Бранденбурга сильно подорвало здоровье Салангро: когда в июне 1918 г. он с партией тяжелораненых пленных, которых при посредничестве Швейцарии обменяли на больных немецких пленных, пересек швейцарскую границу, то не мог двигаться от истощения, и его несли на носилках²⁰.

²⁰ Документы и материалы по делу Салангро см.: M. Chavardès. Op. cit., pp. 288—309, 371—380; Gamelin. Servir. Le prologue du drame. T. 2. P. 1946, pp. 255—257; E. Bonnefous. Histoire politique de la Troisième République. T. 6. P. 1965, pp. 63—73; J.-N. Marqué. Léon Daudet. P. 1971, pp. 400—403.

Несмотря на опубликование этих фактов, клеветническая кампания продолжала нарастать. «Дело Салангро начато,— писал «Gringoire»,— и мы не позволим его забыть»²¹. Фашистская пресса находила все новые аспекты дела. Целые полосы таких газет и журналов, как «Gringoire», «Le Charivari», «Choc», «L'Action française», «L'Echo de Paris», «Le Jour», заполнялись грубыми карикатурами на «изменника Роже», показаниями мнимых свидетелей, как правило — бывших фронтовиков, награжденных орденами, но ярых националистов, убежденных в том, что, втапывая в грязь «предателя-социалиста», они оказывают услугу родине. Хотя программа Народного фронта предусматривала меры по пресечению клеветы и шантажа в печати, правительство не сделало ничего, чтобы остановить клеветническую кампанию против Салангро. Выступая 6 сентября 1936 г., Блюм пообещал «найти средства, чтобы положить конец всему этому»²². Однако все свелось к общим рассуждениям на тему о том, что самой эффективной санкцией против клеветнической прессы явился бы «отказ общества ее читать»²³. Подобная терпимость была тем более непозволительной, что ожесточенным нападам фашистской печати подвергался не только Салангро, а и другие члены правительства — например, министр просвещения Ж. Зей, министр авиации П. Кот²⁴.

Лишь после того, как фашистская печать обвинила правительство в умышленном замалчивании «подлижных фактов», связанных с «делом Салангро»²⁵, Блюм решился открыто выступить в защиту министра внутренних дел. К этому времени страсти накалились настолько, что, когда 13 ноября 1936 г. Блюм поднялся на трибуну, чтобы ответить на запрос реакционного депутата А. Бекара по поводу Салангро, в амфитеатре Бурбонского дворца завязалась потасовка между левыми и правыми депутатами. Только через полчаса председателю Палаты депутатов Э. Эррио удалось восстановить относительный порядок, и Блюм смог начать выступление, в котором он подробно рассказал об обстоятельствах

²¹ «Gringoire», 4.IX.1936.

²² «Le Populaire», 7.IX; 11.X.1936.

²³ «Le Populaire», 19.X.1936; L. Blum. L'exercice du pouvoir. P. 1937, pp. 259—267. 335.

²⁴ «L'Action française», 9—10, 13—14, 21.VI; 10.X.1936.

²⁵ «Gringoire», 6.XI.1936.

«дела Салангро» и назвал «Gringoïre» «листком, который я не читаю и к которому я даже не прикасаюсь, листком, название которого я даже не хочу произнести, но который я имею полное право назвать гнусным». В заключение под аплодисменты большинства депутатов, стоя приветствовавших Салангро, премьер заявил: «Именно вам, господа, надлежит вынести окончательный приговор. Вы не должны оправдывать невинного: это уже сделали военные судьи. Но вы должны заклеить клеветников»²⁶. 427 голосами против 63 Палата депутатов приняла резолюцию, которая «констатировала полную необоснованность обвинений... выдвинутых против одного из членов правительства, и клеймила клеветническую и оскорбительную кампанию, которая может только возбуждать общественное мнение, раздувать страсти, распространять методы насилия и подрывать авторитет Франции за границей»²⁷. Могло показаться, что клеветники потерпели поражение, если бы не неожиданный финал этого дела.

Продолжавшаяся в течение нескольких месяцев злобная травля тяжело подействовала на Салангро, которому стало казаться, что в его невинность никто не верит²⁸. Вскоре после голосования в Палате депутатов он уехал в Лилль, мэром которого он был с 1925 года. Там он работал в ратуше, в местной социалистической федерации и в генеральном совете департамента. 17 ноября он вернулся в свою квартиру. Там его ожидал последний номер «Gringoïre» с новой грязной статьей. Салангро написал последние письма и ночью открыл кран газовой плиты. Блюму он написал: «Я... храбро боролся. Но я дошел до предела. Если им не удалось меня обесчестить, то, по крайней мере, они понесут ответственность за мою смерть, так как я не являюсь ни дезертиром, ни предателем»²⁹.

Самоубийство Салангро потрясло многих.

²⁶ «Le Populaire», 14.XI.1936; L. Blum. Oeuvre. T. 4. Pt. 1. P. 1964, pp. 335—355.

²⁷ «Le Populaire», 14.XI.1936.

²⁸ Когда на другой день после голосования Салангро прибыл в свое министерство, часовой, случайно не узнавший министра, не отдал ему честь. Этот эпизод привел Салангро в отчаяние. «Муниципальные гвардейцы отказываются меня приветствовать,— сказал он друзьям.— Они верят «Гренгуар». Я не могу больше этого выносить. Я никогда не смогу их убедить» (P. Lazareff. Deadline. The Behind... N. Y. 1942, p. 128).

²⁹ «Le Populaire», 19.XI.1936.

Рабочие типографии, в которой печатался «Gringoïre», отказались набирать очередной номер еженедельника³⁰. На похоронах Салангро в Лилле присутствовали представители всех партий и организаций Народного фронта³¹. В Париже траурная манифестация продолжалась свыше трех часов. Выступая на митинге, состоявшемся на зимнем велодроме, М. Торез говорил: «Нет никакого дела Салангро, а есть еще одно преступление фашизма»³². Коммунисты подчеркивали, что смерть Салангро воочью показала слабость и беспомощность правительства Блюма перед лицом врагов Народного фронта. В течение четырех месяцев власти не считали возможным положить конец клеветнической кампании, которая систематически велась против одного из министров. А теперь правительство ограничилось тем, что провело через Палату депутатов закон, карающий за клевету. Однако положения закона были составлены в такой общей форме, что коммунисты опасались: новый закон может быть использован не только против фашистской, но и против левой печати³³.

Недовольство трудящихся возросло еще больше, когда стало ясно, что власти не торопятся призвать к порядку реакционную прессу, которая не собиралась прекращать свои нападки на правительство Народного фронта. «L'Action française», «Le Charivari» и другие правые издания пытались уверить своих читателей, что Салангро покончил с собой из страха перед новыми разоблачениями его «предательства»³⁴. «Леон Блюм,— писал де Кериллис,— взял на себя страшную ответственность. Не следует искать министров среди людей, которым место на скамье подсудимых в военном

³⁰ «Le Populaire», 19.XI.1936; «Le Vendredi», 20.XI.1936; «Paix et Liberté», 22.XI.1936; «L'Information», 19.XI.1936.

³¹ ФКП была представлена на траурной церемонии М. Торезом и Ж. Дюкло (J. Duclos. Mémoires. T. 2, p. 187).

³² «L'Humanité», 22.XI.1936.

³³ «Journal officiel. Débats parlementaires. Chambre des députés», 4.XII.1936, pp. 3159—3187. Комиссия сената настолько изменила первоначальный текст законопроекта, что Блюм решил отказаться от ввода его в действие.

³⁴ «L'Action française» напомнила, что в свое время дрейфусары рассматривали самоубийство полковника Анри как доказательство его вины, и полагала, что таким же образом должно оценивать самоубийство Салангро («L'Action française», 19.XI.1936).

трибунале»³⁵. А вскоре реакционная печать начала травлю министра авиации П. Кота: ему инкриминировалось систематическое нарушение соглашения о «невмешательстве» и организация поставок оружия в республиканскую Испанию. Обвинение в «тайной помощи Мадриду» довольно часто выдвигалось против всего кабинета Блюма в целом. Однако правительство сносило не только все нападки, но и закрывало глаза даже на то, что многие газеты, враждебные Народному фронту, открыто получали субсидии от германского и итальянского посольств, а также от организованного фашистом О. Абецом «Комитета Франция — Германия»³⁶.

³⁵ Y. Simon. La grande crise de la République Française. Observation sur la vie politique des Français de 1918 à 1938. Montréal. 1941, pp. 87—88; «Le Franciste», 15—22.XI.1936; «La Revue de Paris», 1.I.1937.

³⁶ «Les événements survenus en France de 1933 à 1945». Т. 7. P. 1951, pp. 2175—2176; t. 8, pp. 2442—2445.

Уступчивость властей перед лицом фашистского движения не могла не вызвать растущего протеста со стороны коммунистов и других истинных врагов реакции. Отступление от принципов программы Народного фронта проявлялось и в попустительстве по отношению к фашистским державам, и в проведении позорной политики «невмешательства», и в том, что правительство Блюма почти ничего не сделало, чтобы ограничить могущество финансистов и промышленников, которые беспрепятственно подрывали усилия Народного фронта. Именно отход партий социалистов и радикалов от общей платформы антифашистской коалиции обусловил затем усиление центробежных тенденций внутри Народного фронта и его последующий распад. Таким образом, «дело Салангро» выступает как один из типичных эпизодов политической истории Франции 30-х годов.

Ю. В. Егоров